

Нед пробудился от сна, в котором ему привиделись реки слюны и крови, изливающиеся изо рта Падди Леклера, и сразу понял, что где-то внизу под ним бурное море. Он попытался открыть глаза. На миг ему показалось, что веки накрепко слиплись от засохших пота и крови, но он тут же понял: на самом деле глаза его широко открыты. Просто видеть им решительно нечего. Он либо находится в полной темноте, где нет ни света, ни предметов, способных его отражать, либо ослеп. Инстинкт сказал ему, что нет, не слеп, просто вокруг пустота беспросветного мрака.

Изматывающая боль в плече заволакивала черным облаком всякое сознательное мгновение, и все-таки Нед обнаружил в себе способность мысленно упорядочить каждую из перенесенных им мук. Он мог, к примеру, по отдельности сосредотачиваться на мучительном жжении в разодранных запястьях, на тошнотворной пульсации в расквашенном носу, на колющей боли, причиняемой переломанными ребрами, которые при каждом движении или вдохе вонзались в легкие. Все это жгло и жалило, точно рой растревоженных ос, однако за каждой

мукой маячил язвивший Неда, как злое воспоминание, с неумолимой жестокостью похрустывающий, скрежещущий плечевой сустав. Но тяжелее самой мучительной, самой ужасной из пыток было страдание, переносить которое оказалось гораздо труднее, — страдание, порожденное недоумением, одиночеством и элементарным страхом.

Ужас и замешательство сделали разум Неда настолько неповоротливым, что отличать прошлое от настоящего ему становилось все труднее. В беспомощности, в часы, которые вполне могли быть минутами или днями, ум хватался за образы всего, что было когда-либо дорого Неде, — за отца, за крикет, за летящую по ветру яхту, за любимый шерстяной блейзер, за горячую, чуть подсоленную овсянку, за вечерний звон школьного колокола. Образы эти сменялись без всякого порядка: пара серебряных щеток для волос, которые он нашел на благотворительной распродаже и начистил до полного блеска; шестерни первого велосипеда; резкий кислотный запах номеров “Нэшнл джиографик”; холодное молоко; только что заточенные карандаши; собственное голое тело в зеркале; имбирный пряник; стук хоккейных клюшек при вбрасывании мяча; запах тряпки для вытирания школьной доски... Но каждая картинка ускользала от него, как выскальзывает мыло из мокрой руки, и чем пуще старался Нед удержать ее, тем быстрее она улетала.

Нед пытался помешать самому дорогому из образов открыто явиться ему, но в конце концов сил противиться у него не осталось. Нед призвал к себе Порцию, однако она не пришла. Ее почерк, смех,

лучезарное тепло ее кожи, улыбающиеся в чувственной греховности глаза — все это сгнуло.

И вот остался один лишь Христос. Христос явился ему и развеял пустоту отчаяния. Разбитые губы Неда с трудом повторяли слова молитвы. Он просил о сострадании, надежде и любви. И внезапно Иисус восстал и поплыл перед ним, изливая свет. Глядя в мягкие, любящие глаза своего Спасителя, Нед потянулся к нему, чтобы Христос взял его на руки и вынес из этого страшного места. Но тут к ним ринулся, рыча от ярости, разевая гигантскую пасть, Сатана. Он разодрал Сына Божьего на окровавленные куски и с торжествующим ревом пожрал его черными челюстями.

Снова очнувшись в темноте, Нед услышал, как гудит двигатель фургона, как с глухим рокотом пролетают мимо другие машины. Возможно, море ему только причудилось.

Теперь его связывали с реальностью лишь боль и ровный шорох покрышек по гудрону. Он словно родился заново, родился в обжигающей пустоте одиночества и боли. Казалось, каждое мгновение содержит вечную муку и все дальше уносит его от того, кем он был, уносит к новому существованию, в котором дружба, семья, будущее, любовь никакой роли не играют.

Впоследствии ему казалось, что он побывал в какой-то белой комнате. Он вроде бы помнил слепящие лампы дневного света, помнил, как усилилась исходящая от него, Неда, вонь, когда скальпель перерезал веревку на его пояснице и брюки свалились на пол. Он думал, что помнит и жалящий укол в руку,

прилив совершенно новой боли, резкий удар в плечо, потоки теплой воды и куда-то несущие его сильные руки.

А когда Нед опять пришел в себя, оказалось, что он лежит посреди комнатки, в которой все окрашено в кремовый цвет. Дверь, стены, потолок, стальная спинка кровати, решетка на единственном окне, облака в небе за нею — все было кремовым. Насчет пола ничего сказать было нельзя, потому что комната была крохотная и к тому же что-то прочно прижимало его к кровати. Подняв голову и вытянув шею, Нед увидел два стягивавших грудь и ноги толстых ремня из черной ткани и с застежками, как на ремнях безопасности. От резкого движения шею обожгло, словно огнем, ребра, щелкнув в груди, сместились, и Нед откинул голову на подушку, ища утешения и покоя в ноющей боли, затопившей его тело. Он был теперь спокоен и бездумно весел. Черный прилив кошмаров стих, и полный идиотизм положения, в которое он попал, начал понемногу его забавлять.

Он задремал ненадолго, а пробудившись, обнаружил, что комнату заливают все тот же кремовый свет дня. На здоровом плече зудела кожа, и из глубины сознания вдруг выплыло воспоминание, как чьи-то руки расстегнули ремни, заставили его сесть, как кожу проколола игла. Он как будто бы помнил, что, перед тем как снова впасть в забытие, пробормотал заплетающимся языком “с добрым утром” и “спасибо”. Глядя на кремовый потолок, Нед пытался собраться с мыслями. Но прежде, чем это ему удалось, он услышал чьи-то шаги, поскрипывание подошв по полированным полам. Шаги приближались, и Нед на дюйм

приподнял голову. Где-то неподалеку открылась и снова закрылась дверь. Нед уронил голову на подушку.

В замке заскрежетал ключ, и Нед проснулся окончательно, сердясь на себя за то, что опять задремал.

— Ну, здравствуйте, молодой человек! Вам уже намного лучше, не сомневаюсь.

В комнату, улыбаясь и помигивая, вошел упитанный человечек в белой куртке дантиста. Говорил он с акцентом, определить происхождение которого Нед не смог. Мужчина помоложе, очень высокий, подтянутый, со светлыми, почти белыми волосами и бледно-голубыми глазами, остался стоять у двери, держа в руках стальную кювету.

— Вы были весьма нездоровы, друг мой, но мы позаботимся, чтобы вы почувствовали себя лучше и окрепли.

Нед попытался заговорить, однако упитанный человечек поднял ладонь:

— Нет-нет. У нас будет время побеседовать, несколько позже. Меня зовут доктор Малло, мы еще успеем наболтаться с вами всласть, обещаю. А сейчас я хочу познакомить вас с Рольфом, который будет за вами присматривать. Вы причинили себе немало вреда, вашему телу потребуется время, чтобы исцелиться. Рольф поможет вам справляться с болью... — Он махнул верзиле, и тот приблизился, держа кювету в вытянутых руках, ни дать ни взять церковный служка, протягивающий дискос. А вы, в благодарность за это, будете вести себя очень спокойно, не волноваться, да?

Нед кивал, глядя, как доктор Малло извлекает из кюветы шприц и стеклянный пузырек.

— Превосходно, это превосходно. Вы молодец.

Рольф наклонился и расстегнул ремень, стягивавший грудь Неда. Нед заставил себя сесть, доктор Малло воткнул иглу в пробку флакончика.

— О, но это же замечательно! Вы уже сами садитесь! — Лицо доктора Малло расплылось в одобрителной улыбке, он подтянул повыше широкий рукав Недова халата и ваткой протер кожу. — Боюсь, немного холодит. Ну-с, Рольф обладает большей, чем я, сноровкой в обращении с иглами, так что, надеюсь, больно вам не будет... Вот так! Ничего страшного.

Нед откинулся на подушку, и тотчас теплая волна покоя унесла боль. Он улыбался доктору и Рольфу, который, склонясь над ним, застегивал ремни.

— Соросо... так соросо. Судесно...

Доктор Малло, снова расплывшись в улыбке, обошел кровать и встал по другую ее сторону.

— Ну, что плечо — болит уже не так сильно?

— Нет, — пролепетал Нед, мозг которого уплывал куда-то в полном довольстве. — Я ничего не чувствую.

— Мы его перебинтовали покрепче. Человек вы молодой, думаю, оно скоро пойдет на поправку. Так. Теперь спите и ни о чем не тревожьтесь.

Нед не помнил, как эти двое оставили комнату, а когда он проснулся, уже почти стемнело.

В следующие несколько дней Нед изо всех сил старался хотя бы двумя-тремя словами перемолвиться с Рольфом, который через равные промежутки времени навещал его, принося кювету и шприц, а время от времени — свежие бинты, пластиковую бутылку, в которую Нед мочился, и термосы с супом, пить

который Неду позволялось только через блестящую стальную трубку.

Рольф оказался человеком до крайности необщительным. Нед решил, что он просто не понимает английского. Доктор Малло, которого Нед так больше и не видел, говорил с акцентом, который мог быть и немецким, и скандинавским, а отсюда вполне могло следовать, что и Рольф — иностранец.

Хотя нет, это Нед — иностранец. Что бы это ни было за место, до Англии от него далеко. И доказательство тому — черный кошмар мрака и боли, который длился не один день. Далекие крики чаек навели Неда на мысль, что он находится неподалеку от моря, скорее всего даже на острове. А некий инстинкт подсказывал, что он на *севере*. Быть может, сам здешний свет внушал ему уверенность в этом, быть может, выговор доктора Малло — скандинавский, как решил наконец Нед. А тут еще пронзительные голубые глаза Рольфа и его серебристая белокурось.

Нед научился использовать периоды физической боли и ясности ума, выпадавшие ему примерно за час до нового укола, для того, чтобы обдумывать свое положение. Вскоре он пришел к выводу, что не *природа* света внушила ему мысль о севере, а ровность света, его постоянство. В какое бы время Нед ни проснулся, за окном всегда виднелось яркое небо или, самое большее, мягкие сумерки. В это время года, как Неду было известно, чем дальше на север заезжаешь, тем короче становится ночь. В ночь, когда они шли на “Сиротке” в Обан, в ночь, когда умер Падди Леклер, стемнело лишь на очень недолгое время.

Нед не сомневался в том, что коллега Оливера Дельфта, мистер Гейн, — сумасшедший или преступник. Он избил Неда, переломал ему кости и с помощью двух отвратительных, уродливых, злобных и свирепых психопатов, чьи мертвые, зверские глаза будут теперь вечно его преследовать, увез куда-то на край света. Здесь с ним обращаются с добротой и участливостью, но тем не менее держат привязанным к кровати в запертой комнате с решеткой на окне. Что все это может значить?

Где-то Оливер Дельфт и отец заняты его поисками. Возможно, мистер Гейн потребовал выкуп. В способностях Дельфта и влиянии отца Нед не сомневался, и это наполняло его уверенностью в том, что содеянное не сойдет Гейну с рук.

Но пока-то, пока, что думает отец? А Порция, что с нею?

Странно, но в ярких, живых снах к нему приходил отец, а не Порция. Когда же он бодрствовал, представляя себе, что станет делать, вернувшись домой, когда думал о школе, о местах и людях, которых знал, образ Порции тоже никогда его не посещал. То, что надо прикладывать усилия, чтобы подумать о ней, Неда не особо тревожило. Наверное, он просто боится, что Порция сердится на него за это исчезновение. Возможно, думает даже, что он сбежал. Быть может, боится, что чем-то разочаровала его, когда они были вместе в спальне, — вот он и улизнул, как трус, при первой же возможности. Когда все наконец уладится, Нед отвезет ее в какую-нибудь сельскую гостиницу, и там они смогут узнать друг друга получше.

Первое время Нед тешил себя надеждой, что Рольф однажды принесет ему что-нибудь почитать. Теперь, когда ремни ослабли, он садился без особых усилий и потому полагал, что сможет держать книгу. Чтение помогло бы скоротать время, которое ныне, когда боль утихла, а успокоительные средства все реже и реже глушили разум, тянулось куда мучительнее, чем прежде. Кроме того, он получил в школе список обязательного чтения, а сейчас уже был конец летнего триместра, и Нед не хотел отставать от других.

Вследствие всего этого Нед начал при каждом появлении Рольфа приставать к нему с одним и тем же вопросом:

— С добрым утром, Рольф. Я вот подумал... Здесь случайно нет никаких книг?

— Рольф, я правда двигаюсь уже достаточно свободно, чтобы читать...

— В общем, совсем неважно, какие это будут книги, но если бы вы нашли что-нибудь по истории Европы...

— Может, стоит спросить доктора Малло, что он об этом думает, но я, честное слово, уверен, что чтение поможет мне быстрее поправиться...

— Вы не спрашивали у доктора Малло? Что он сказал?

— Рольф, *пожалуйста!* Если вы понимаете, что я говорю, нельзя ли мне почитать что-нибудь? *Все что угодно...*

— Рольф, я хочу видеть доктора Малло. Понимаете? Вы... говорить... доктору Малло... прийти ко мне, да? *Скоро.* Я видеть доктор Малло. Это *очень важно...*

В душе Неда закипал гнев, и гнев этот заставил его совершить роковую ошибку. Не может быть, сердито решил он в одну из бесконечных, одиноких ночей, чтобы Рольф совсем ничего не понял. Он просто жесток, причем жесток намеренно.

И однажды утром Нед не выдержал:

— Что говорит доктор Малло о моих книгах? Скажите.

Рольф продолжал методично расстегивать ремни, готовя Неда к уколу.

— Я хочу знать, что говорит доктор Малло. *Скажите мне.*

Рольф молча протянул ему пустую бутылку для мочи.

Кипя от горькой несправедливости происходящего, Нед сунул бутылку под одежду и начал наполнять ее, а гнев между тем все нарастал и нарастал.

Рольф склонился над ним со шприцем, и Нед, доведенный до иступления и размеренным спокойствием этой процедуры, и молчанием, резко рванул бутылку вверх и выплеснул ее содержимое Рольфу в лицо.

По меньшей мере пять секунд Рольф простоял совершенно неподвижно, не мешая моче стекать по лицу и капать с подбородка.

Вспышка Неда мгновенно угасла, и он попытался, безуспешно впрочем, подавить смешок. Рольф неторопливо наклонился, положил шприц на снабженный колесиками столик, взял полотенце, аккуратно сложил его вчетверо и промокнул лицо. Что-то в холодной бесстрастности его поведения обратило веселье Неда в страх, и он, словно трехлетний ребенок, залепетал извинения:

— Пожалуйста, не говорите доктору Малло! Простите меня, Рольф, простите! Но я хотел только... мне так жаль, я не понимал, что делаю...

Рольф обеими руками показал Неда, что тому следует лечь, — обычный его жест, свидетельствующий, что он намерен застегнуть ремни.

— А как же укол? Укол, Рольф...

Рольф пощелкал застегжками и теперь стоял, склонив голову несколько набок и глядя сверху на Неда.

— Рольф, мне действительно очень жаль, я обещаю...

Рольф положил обе ладони, одну поверх другой, на здоровое плечо Неда и, навалившись всем весом, принялся месить его, как пекарь месит тесто. Выворачиваясь из сустава, треснула кость.

Рольф легонько кивнул, развернул столик и выкатил его из комнаты. Через несколько часов Нед лишился голоса. Крик, казалось, изодрал его горло в клочья.

Последующие, растянувшиеся на целую вечность дни Нед лежал в одиночестве и скулил. Никем не посещаемому, не получающему никаких лекарств, купающемуся в собственном поту и моче, ему нечем было занять свой мозг, кроме двух страшных фактов и одного невыносимого вопроса.

Во-первых, Рольф вовсе не вышел из себя. Если б он сделал то, что сделал, в приступе гнева, в миг, когда Нед смеялся прямо в его залитое мочой лицо, тогда еще могла сохраниться какая-то возможность примирения, возможность выпросить прощение. Тогда поступок его был бы ужасным, но человеческим.

Во-вторых — Нед плакал и плакал от жестокости случившегося — Рольф совершенно обдуманно

заялся *здоровым* плечом Неда, левым. Правое, еще не до конца сросшееся после увечья, он не тронул. А такая безжалостная, методичная жестокость никаких надежд не оставляла.

Третьим же шел вопрос — вопрос, заслонявший собою все, пока Нед шептал и шептал его, обращаясь к себе самому.

За что? В чем его преступление? Именем Иисуса...
за что?